

Дмитрий Селин

Зона Благодати

Дмитрий Селин
Зона Благодати

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Селин Д.

Зона Благодати / Д. Селин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Не все, кто воскрес, умерли в свое время. Иногда они лишь возвращаются из дальних далей, куда закинула их неумолимая воля великой страны вкупе с низменными страстями "высокой политики". Как ни странно, та страна то же может вернуться - вместе со своими гражданами. Но нужны ли ей те, кто горделиво присвоил себе звание "достоинных потомков"? Содержит нецензурную брань.

На пригорке расселись просторно.
Усатый кашевар, из перворождённых вольняшек, неспешно махал щербатой поварёш-
кой,
отваливая подходившему добрую порцию пшёнки. Получив по быстрому горячее и пару
отрезанных во всю ковригу ржанных ломтей, счастливцев делал всего лишь несколько
шагов
вдоль потёртого бока полевой кухни, установленной на такой же выдавшей виды дрезине.
Теперь он мог расположиться где его ущербной душе угодно. Всё равно с покрытого
густой
муравой, похожего на змеиный язык невысокого скалистого мыса, дорога была только
одна. В
сторону рассвета, куда уходила, блистая нитями рельс, свежеуложенная узкоколейка.
Михалыч сел на корточки у самого края берегового обрыва. С моря ленивый ветерок
редкими порывами приносил запахи соли и тины. Голубая даль с рассыпанными крош-
ками
островами лишь мельком удостоилась взгляда. Время на обед, как обычно, выделялось
строго
по графику, рассматривать приевшиеся красоты желания уже давно не было.
С чувством зажевал добрый хлебный кусок, он зачерпнул ложкой первую долю, обяза-
тельно
с горкой. Ещё хранящая память огня каша приятно обожгла язык, протекла в горло гре-
ющей
лентой. Теперь он мог поесть не спеша, радуясь найденным в пшённом ворохе добрым
кусочкам свежего мяса. На питании давно уже не экономили, так давно, что уже не упом-
нить. А
если попробовать?
Михалыч попал *сюда* сразу после войны, в начале сорок седьмого. Скорый суд быстро
лишил его крепких семейных уз, жены и пары нарождённых после военных трудов ребя-
тишек.
Третий ещё бился под жинкиным сердцем, когда его спровадили искупать взвешенную
государством вину. Дали, казалось немного, всего десять, но без права переписки. В сущ-
ности, недолгий срок за выбитые на танцах зубы одного столичного фраера. Прицепился он
к ним не
по делу – то ли он толкнул закадычного дружка, то ли дружок его. Слово за слово, начался
мордобой, дело обычное на танцплощадке в тени гиганта первых пятилеток. Дружок,
Серёга, упал после нескольких минут драки, приезжий вырубил его каким-то хитрым ударом
на два
пальца пониже сердца. Собравшаяся поглазеть толпа неодобрительно зашумела и тогда
в круг
вышел Михалыч. Как его тогда звали? Да не помнил он, да и не важно это теперь. Кровь
тогда
взыграла, не по нашему так делать, неправильно! Вот и ринулся в защиту не столько
уползшего
к оградке Серёги, сколько выросших с детства в его душе принципах честной уличной
драки.
Без такого морального кодекса в барачном углу соцгородка пацану не прожить. Прошед-
шая по
душе и телу война ещё сильнее укрепила его в верности этих принципов. То, что в бою

полагалось забыть, надо было неустанно хранить в мирной жизни. Но если кто-то лез нарушать

неписанные, но от этого не мене действенные законы, то в его укрощении вполне можно применить весь арсенал средств и приёмов, не раз спасавших гвардии рядового, артиллерийского корректировщика. Он, как снайпер, должен попасть в плен живым и желательно неповреждённым, что бы надольше хватило.

Что там было, как они мутузили друг друга, приглядываясь и принохиваясь, Михалыч уже

не помнил, не важная для его жизни мелочь. Поймал он хлыща на ложной атаке и от всей души

вломил ему левой в зубы, полусжатой ладонью, оставляющей при таком подходе к бойцовскому делу долгий и несмыаемый отпечаток на лице наглеца.

Вроде всё окончилось, разошлись по-хорошему, а через неделю за ним пришли. Прямо на строительную площадку, в конце смены. Михалыч отдал теодолит растерянно выглядывающему из-за спин чекистов начальнику участка и под конвоем был провезён

до

бытовки. Переоделся под бдительным присмотром, и был увезён в холодную. Через месяц состоялся суд, где адвокат смог таки отбить его от пятнашки, но десять, десять лет он

всё-таки

получил! Не простой оказался залетный гость, а из самого ведомства товарища Абакумова.

Плачущая жена, бледные лица родни, стук решёток и топот подкованных, начищенных до блеска сапог. Затем дрожащий на стыках разбитого пути "Столыпин", набитый такими же как

он "бесписьменными". Статьи у них были разные, но срок один, один на всех.

Ехали в основном ночью, днём отстаиваясь на глухих тупиках. Вагон медленно брёл в составе на север, в сторону ещё зеленеющей тундры и ждущего свежей крови гнуса.

– На пятьсот первую везут – авторитетно заявил единственный их них блатной, попавшийся

после череды удачных квартирных краж. Блистая нержавеющей фиксой, он объяснял политическим всю ущербность их положения. Из его слов выходило, что мало кто вернулся, выехав из Салехарда в сторону величаво текущей Оби.

– Если никто не вернулся, откуда ты знаешь? – спросили профессионала лома и отмычки.

Улыбнувшись ещё шире, вор снисходительно объяснил

– Не все там сидят, кое-кто охраняет. В отпуска ездят, деньги просаживают, бабам на югах

треплются, а от них-то всяк честной вор узнать может.

– Ты что-ли? – не унимался скептик

– Да хотя бы и я! – расправил плечи идущий на первую ходку.

Всё когданибудь заканчивается, закончилась и тряска в вагонах. Их выгрузили на захолустном тупике среди ровной как стол тундре и колонной погнали к восходу. Михалыч шёл

с краю, поглядывая изредка на новый конвой, встретивший их на пункте разгрузки.

Больше

тысячи человек растянулись изрядной колонной, а охраны было не больше роты. Правда,

рота

эта могла легко завалить батальон, стоило только взглянуть на их ровный шаг по разбитой

дороге, крепкие руки, сжимающие новёхонькие карабины, цепкий взгляд, выхватывающий

малейшие отклонения от предписанной Уставом нормы. Встретившись взглядом с конвоиром, Михалыч поспешно отвернулся. Что-то было там такое, непредставимое даже для прошедшего

полвойны человека. Что-то не совсем отсюда проступало сквозь загорелую кожу.

Впереди возник какой-то гомон, колонна сбилась и конвоиры забегали кругом, где окриками, где прикладами наводя должный порядок. Этап втянулся на вытопанную до бетонной прочности круглую площадку, дальше дороги не было. Зэки удивлённо переглядывались, не

понимая, что привело их сюда, какая подляна их ждёт дальше. Немногочисленные воры скучковались в центре человеческого круга, Михалыч стоял на самом краю, конвоиры выстроились лицом к ним, с карабинами наперевес. Рассредоточившись по внешнему краю, метрах в пяти от человеческой массы.

= Сидеть! – рывкнули одновременно охранники. Осужденные быстро попадали кто где стоял.

Ещё в составе конвой любил тренироваться таким образом, кто падал последним, оставался без пайки.

Но здесь это было совсем непонятно. Михалыч медленно поднял взгляд от земли и с ужасом

увидел что за спинами неподвижно стоявших солдат поднимается тускло-белёсая волна, несущая на кольшущемся гребне ключья грязно– серой пены. Слова застряли в горле, когда

взмывшая до небес цунами захлопнула последний кусочек неба над головой и с визгом и рёвом

во мраке обрушилась вниз. Больше он ничего запомнить не успел, со всех сторон навалилась

слепящая тьма.

– Встать! Встать! – било по ушам непрерывным сигналом, как в детстве сквозь сон пробивался

заводской гудок.

Михалыч, пошатываясь, поднялся, крепко сжимая котомку. Огляделся, как остальные обалдевшие от неожиданного катаклизма зэки. Ничего не изменилось, вокруг всё так же простиралась унылая тундра, небо всё так же сияло немислимой голубизной, конвой всё так же

успешно работал, сгоняя ошарашенных людей обратно в колонну.

– Бегом! – прозвучала новая команда и этап сначала медленно, потом всё быстрее рванул многоголовой гусеницей, перебирая тысячами ног в сторону медленно выраставшего вдали

полустанка.

Их загнали обратно в тюремный состав и не спеша повезли обратно на юг.

Лязгали засовы вагонных дверей, конвойные выгоняли ещё не отошедших от катаклизма людей на пристанционный плац. Михалыч, выбравшись из вагона, пристроился с краю шеренги, стараясь заметить хоть что-либо важное. Ничего, кроме унылой тундры и огороженного колючкой плаца с длинным пакгаузом самого затрапезного вида, он разглядеть

не сумел.

Ехали они обратно не более получаса, как защёлкавшие под вагоном стыки и стрелочные

переводы возвестили о прибытии на конечную станцию их долгого северо-восточного пути.

Странно, но ранее подобных звуков никто из оживленно обсуждающих случившееся зэков

услышать не сподобился. Можно было, конечно списать на забывчивость и только что пережитое нервное потрясение, но такой краткосрочной амнезией не могли страдать никто из

шестисот транспортируемых на принудработы людей.

Крепко сжимая мешок с вещами, он ждал. Ждал хоть чего-нибудь, свыкшись уже с резкими

переменами в своей молодой и такой разной судьбе. Сбоку, слева, наметилось какое-то шевеление, строже вытянулись конвойные, на свободный пяточок перед врезанными в колючий

забор воротами не спеша вышел дородный мужик с обрюзгшим от долгих забот лицом и полковничьими погонами на новеньком обмундировании.

– Граждане осуждённые! – зычным голосом огласил он забитое людьми пространство –

Наша

советская родина и лично товарищ Сталин даёт вам шанс искупить свою вину. Доблестным

ным

трудом на благо социалистического отечества вы сможете загладить всю тяжесть совершенных

преступлений. За успешное выполнение планов вам будет обеспеченно усиленное питание.

После отбытия половины срока наказания вы можете обратиться с просьбой о досрочном освобождении.

Он неожиданно резко замолчал и сделал резкий, как будто что-то отбрасывающий, жест левой рукой. Стоявшие у ворот вертухаи со скрипом распахнули сколоченные из доброго дерева воротины и понукаемый командами конвоя этап вытянулся на утопанную дорогу, ведущую к еле видимым на горизонте пологим горам.

Ложка стукнула о дно казённой тарелки. Михалыч оторвался от накативших в очередной

раз

ненужных воспоминаний, аккуратно добрал остатки. Прищурившись, взглянул на запад.

Оранжевое солнце неспешно клонилось к закату, значит работать осталось не больше

шести

часов. Сдав посуду хмурому подавальщику, он вернулся к своему инструменту. Добротный

ный

немецкий теодолит, полученный по репарациям, не потерял точности за прошедшие локальные

годы, не люфтили ручки настройки, лишь немного истёрлась резина наглазника. Откинув рубчатые на ощупь крышки объектива, Михалыч внимательно осмотрел прибор. Вытащил из

внутреннего кармана спецовки чистую тряпочку, протёр синеватые линзы, слегка тронул юстировочные верньеры. Всё теперь, можно было работать дальше. Хотя, можно было ещё

постоять с задумчивым видом, вспоминая минувшее. Четвёрка работников во главе с бывшим

студентом-маркшейдером ещё только сталкивала на бурю от разлива воду латанную-перелатанную резиновую лодку. До соседнего холма-острова, такого же пологого и

покрытого

такой же вечнозелёной травой было не больше полусотни метров. По дальномерной шкале.

Казалось, можно было дойти и пешком, но к такой аванюре не прибегали даже получившие

пару месяцев БУРа. Брести по колено и пояс в покоем на бледно-зелёный кисель жидком

составе, в сезон разливов имевшем к чистой воде весьма отдалённое отношение, было одним из

способов крайне болезненного самоубийства. Кишевшие в густой почвенно-растительной

взвеси мелкие весьма зубастые пиявки и похожие на угрей твари легко отправляли на тот свет

любого забредшего в их временные владения. Достаточно было одного укуса мелких, но очень

острых, похожих на иглы, зубов. Спустя полчаса укушенный становился стопроцентным, посиневшим от удушья трупом. Ходили, конечно, слухи, что у батальона разведки была сыворотка от местного яда, но никто из встреченных Михалычем за шестьдесят с лиш-

ним

локальных лет не мог это подтвердить или опровергнуть. Разведбат сам по себе был легендой, не уступающей по глубине и красоте рассказов подвигам Геракла и аргонавтов с Одиссеем

впридачу.

Да, внимательно наблюдая за быстрым движением лодки по тихой и ровной глади, Михалыч

позволил себе ещё одно, не относящиеся к работе воспоминание.

Как оказалось, срок они отправились отбывать не в Северлаг, ударным темпами возводящий

трансполярную магистраль, не в бараки лесозаготовителей или рабочих на стройках пятилетки, а на совершенно другую, совсем не относящуюся к родной Земле планету. Открытую, как

побочный результат советской ядерной программы. Так давно, локалок тридцать назад объяснял в кружке на угловых нарах один из невесторженно мыслящих и за это *огрѣбших* низовых сотрудников спецкомитета. Мол, самая первая бомба, сработанная исключительно по

чертежам и расчётам засекреченных советских академиков, в сорок седьмом году вместо выявленных нашей доблестной разведкой *эффектов* пшикнула, даже не развалив точно скопированную с невадского оригинала башню. Верх стальной конструкции даже не испарился

в ожидаемом атомном пламени, а скрылся в белёсой, слабо мерцающей сфере. После бурных

дебатов на КП, сопровождаемых неизбежными в данной ситуации матерными словами и выражениями, к башне отправили разведгруппу. Кроме группы дозиметристов на экранированном ИС-2 с демонтированной пушкой, под рукой у Курчатова больше никого не

было. Не рассчитывал академик на *такой* исход испытания.

Добравшиеся до эпицентра, майор с лейтенантом доложили по рации, что уровень радиации

в норме, никаких разрушений не наблюдают. На что им было предложено лично осмотреть

собравшуюся вокруг невзорвавшегося, как тогда думали, *изделия*, туманную сферу.
Майор

Терещенко, как старший по званию, отправился вверх по скрипучей стальной лестнице.

Спустя

час он вернулся, доложил нетерпеливо ждущему результатов Курчатову о своём путешествии.

По его словам, доносившимся из затянутого серой тканью динамика, выходило, что внутри

блеклой, как весенний снежок, сферы, располагался самый настоящий затерянный мир.

С ярко-

синим небом, наполовину затянутому облаками, воздухом неземной чистоты и видневшимся

вдалеке за окружавшей торчавшую посреди буйной степи огрызка башни морем. Собственно, информация о море была самой странной и неожиданной. На островную роль *поле*

Семипалатинского полигона не тянуло ни в какой мере. Бомбу, кстати, бравый майор так и не

увидел. Верхний прогон башни отсутствовал, аккуратно срезанный непредставимой на тот

момент силой.

О неудаче испытаний доложили немедленно в Кремль. Вождь, получив безрадостную весть, слегка подслащенную отчётом о вновь увиденном, глубоко задумался, неспешно шагая от

стены до стены своего кабинета.

– Передайте товарищу Курчатову – наконец сказал Сталин, остановившись у зашторенного по

ночной поре окна – дальнейшие работы по *изделию* вести только по имеющимся разведанным.

Самодетельность потом.

Он затянулся, пыхнул облачком дыма, развернулся к ожидающему *решения* Берии.

– Облако на месте, Лаврентий?

– Да, товарищ Сталин.

– Организовать самое тщательное исследование. Выделить все возможные средства, не в ущерб *проекту*. Понимаешь, Лаврентий?

– Да, товарищ Сталин – слегка поколебавшись, руководитель спецкомитета спросил верховного – больше ничего?

– Больше – вождь взглянул на начавшего лысеть первого запредсовмина с неожиданным интересом – ничего. Иди, работай. Доклад завтра вечером.

Глава атомной промышленности исчез за двойным дверями, оставив вождя в тщательно скрытом раздумье. Можно было дать ход одной папке из личного сейфа, но пока ... да, пока

этого делать не следовало. Одни сутки сейчас ничего не решают.

Разумеется, Михалыч не мог знать о кремлёвских беседах и даже о первых порах *второго проекта* до него дошли весьма искажённые слухи. Не более невероятные чем сам факт их потусторонней во всех смыслах жизни. Как сообщили потрясённым зк на первой вечерней

поверке в добротном поставленном в предгорьях пока безымянных для них гор, лагере, жить они

могли ещё лет пятьсот. Только здесь, на месте отбывания наказания. Календарный год был

почти в четыре с половиной раза длиннее, и сутки длились почти тридцать шесть часов с копейками. Работать по первости, недели две, они будут всего по двенадцать часов, остальное

время составит пеший поход до участка и обратно, еда, поверка, оправка и глубокий, восстанавливающий силы, двенадцатичасовой сон. Самое важное для них, что за время отбывания наказания они совсем не успеют постареть. Семь лет по местному времени по биологическим часам не превышали советского года, по которому, собственно и велся отсчёт

отбытия срока.

Лодка без происшествий причалила к соседнему холму, студент с нивелиром на плече быстро

рванул к плоской вершине. Михалыч оглянулся, проводил взглядом уходящую к последнему

опорному лагпункту дрезину, вернулся к теодолиту. Надо было работать. До окончания срока

ему оставалось всего восемь локальных лет.

Спустя пять часов вдалеке прогудел паровозик-кукушка и бригада начала собираться обратно, в лагерь. Сняв кроки предстоящего маршрута, Михалыч разобрал и упаковал теодолит

в добротный чемоданчик с дерматиновой обивкой и металлическими накладками на углах.

Внутри оптический инструмент удобно расположился в покрытым бархатом углублениях пробкового заполнения чемодана. Не смотря на лёгкость коры местной разновидности пробкового дерева, сам чемодан с инструментом весил килограмм двадцать. Не смотря на

подобную тяжесть, Михалыч никому не доверял носить его хотя бы пару метров. Слишком

ценным был для него этот груз.

– Успели, Сергей Михайлович?

Небрежно держа линейку на плече, к нему подошёл «второй номер». Тот самый студент-маркшейдер, взятый за не вовремя рассказанный девушке анекдот. Собственно, девушка на

него и донесла. Но это было так давно, что Илья успел смириться с данным прискорбным фактом.

– Успели.

Мимо прошли гребцы, четвёркой волоча сдутую лодку и массивные деревянные вёсла. Они

дотащили свой груз до прикрученного к рельсам обозначения тупика и немедленно расселись

отдохнуть, достав из карманов табачок и крутя самокрутки. До них было метров тридцать и

никто не мог помешать разговору «геодезической пары». Да и не принято это здесь было –

мешать людям *базарить*.

– Камешки были? – спросил Михалыч коллегу.

– Не видел – ответил Илья – только в одном месте почувствовал, что что-то внизу есть. Но копать при народе не стал.

– Верно – одобрил Михалыч – где это, на вершине?

– Нет, на десять часов по краю дальнего склона.

– Ближе к небу значит – задумчиво сказал Михалыч – ладно, завтра проверим.
– Но .. – удивился Илья.
– Никаких но – перебил его старший – я пойду отметки смотреть, вроде как знак ставить будем. Этих отправим за пайкой, пока шаландуют, всё раскопаем. Неглубоко, как думаешь?

– Полметра, максимум – уверенно ответил Илья.
– Смотри, студент, не ошибись. Второго раза не будет.
– Да я что, Сергей Михайлович, не понимаю что-ли? – Илья даже слегка обиделся.
– Ладно, ладно. Я поболее твоего рискую. А вот и поезд дали, пошли.
В тупик втянулся маленький поезд из двух вагончиков и заваленной мешками с песком платформы. Старый паровоз, ещё стопятыдесятдевятой серии, натужено пыхтел сзади состава, с платформы поверх черточки пулемёта приветливо махал рукой старший наряда.
– Кто это? – удивился Илья.
– Конь лохматый – не стал скрывать изумления Михалыч – Колян, здорово!
Подхватив чемодан с теодолитом, он быстрым шагом двинулся к поезду, сзади топал Илья, прихватив на свободное плечо сложенную треногу. Гребцы уже заталкивали в дальний вагон своё имущество и прыгали следом сами.
– Здравствуй, Коля – приветствовал коренастого охранника Михалыч.
– Здорово, Михалыч! – радостно орал тот с бруствера – садись к нам, с ветерком доедешь!
– Поехали – кивнул студенту Михалыч и аккуратно примостил чемодан на платформу. Забрался следом, принял линейку и треногу с протянутых рук Ильи, положил в окружённую мешками центральной части, рядом осторожно пристроил чемодан.
Илья, что бы не мешать, отошёл ближе к вагонам, с противоположного конца у неизменного
«Максима» остался пулемётчик, вновь повстречавшиеся разместились практически в середине.
После обмена общими словами, Коля достал из кармана галифе коробочку с табаком и скрутку бумажных листков, протянул геодезисту. Михалыч покачал головой.
– Так и не закурил, Николай. Извини.
– Это ж сколько лет прошло, так и не закурил? – изумился охранник, быстро набивая самокрутку – двенадцать локалок, что ли?
– Да, в марте двенадцать было – подтвердил Михалыч.
Дав короткий гудок, паровоз дёрнул состав и не спеша потащил его на восход.
– Мда – сказал сквозь затыжку Николай – дела.
– Ты-то как в охране оказался? – спросил о главном Сергей.
– Списали меня, Серый, по здоровью. Подчистую списали. Вот, дали парня в помощники и на колею оправили. Тут, сам знаешь, быстро бегать не надо. Стреляй точно, пока патронов хватит.
Даже сейчас я несколько десятков подряд выбиваю.
– Из этой дуры? – удивлённо показал рукой в сторону пулемета Михалыч.
– А как же! – гордо выпрямился Николай – на окружном соревновании второе место занял!
– Среди запасников, правда – после паузы, уточнил Николай. Слишком скептически смотрел Михалыч на его пустые погоны.

- То же дело – вздохнул Сергей, достал фляжку, взболтал. Настоя оставалось около трети.
– Будешь? – предложил он охраннику – из красного ковыля чай.
– Глотну, не откажусь – взял фляжку Николай. Чуть приложившись, он поспешно вернул фляжку хозяину – горький, собака. Как ты его пьёшь?
– Так и пью – Сергей сделал маленький глоток, посмаковал вязкую горечь во рту – в поле лучше ничего другого не пить. Жажду утоляет на раз.
– Не, я лучше фляжку побольше возьму – засмеялся Колян – у нас ...

Он не успел закончить фразу, как паровоз дал три гудка и ощутимо рванул вперёд, качнув своих пассажиров. Вскочив, охранник выхватил из поясной сумки бинокль и стал внимательно

осматривать окрестности.

– Кто там? – спросил его снизу Михалыч. К ним осторожно пробирался Илья, шагая по колеблющейся от набранной скорости платформе.

– *Снежок* – сквозь зубы ответил Сергей, смотря влево-вперёд вдоль вагонов – пока один.

– Давненько их не было – сказал Михалыч, продолжая удобней устраиваться на мешках с мелким речным песком.

Так было комфортней наблюдать за короткими прыжками ярко-жёлтого сгустка, размерами

с небольшой грузовик-полуторку, целеустремлённо нёсшегося к набравшему ход паровозу.

После каждого приземления вокруг сгустка проявлялось и тут же гасло туманное облако. Сергей убежал на край платформы и уже развернул закреплённый на стационарной опоре пулемёт в сторону неожиданно возникшей опасности. Второй номер расчёта, совсем молодой

парень лет восемнадцати, устроился рядом.

– Что за *снежок*? – громко спросил Илья у спокойно сидевшего в подобии кресла Михалыча.

Перестук колёс и скрип платформы заглуши все звуки в степи.

– Неужели ни разу не встречал? – удивился старший – в прошлую миграцию ты где работал?

– На Внутреннем море – почти крича ответил Илья. Сергей уже начал стрелять.

От пулемёта протянулась обозначенная трассерам очередь, пробила припавшего к земле *снежка* и он мгновенно исчез, окутавшись рваными клочьями тумана. До поезда ему оставалось меньше ста метров.

Спустя несколько минут, проехав мимо точки последнего приземления неожиданного гостя, поезд ощутимо замедлил ход с крейсерского до экономического.

– Ну, как? – к ним подошёл весьма довольный собой Николай.

– Патронов десять, не больше – дал оценку точной стрельбе Михалыч.

– Больше ему не надо – уселся рядом Колян, закрутил новую самокрутку.

– Это нечто вроде шаровой молнии, только наоборот – Михалыч стал объяснять Илье суть

происшедшего – стремится к теплу, если бы добрался до паровоза, заморозил б в момент.

– Так от него же дым шёл – удивился Илья –

– Не дым это был, а зона конденсации – вмешался Николай – бывали случаи, замораживал

паровоз вместе с поездной бригадой. Мгновенно причём. Как в жидкий азот окунули, во как!

– Странно – задумчиво сказал Илья.

– Что странного? – Николай уже всю дымил сигаркой – поймать их никто не может, а вреда

от них много. Что, думаешь, мы здесь с пулемётом делаем? От варанов свинцом отбиваться?

Нет, от такой вот хрени отстреливаться! *Снежков, серых мороков* и прочей хрени. Вараны само

собой, не в счёт.

Он снова яростно задымил, стараясь побить паровозный выхлоп.

– Ну, положим, от *снежков* польза есть – возразил Сергей – они пожары в степи гасят.

– Да пускай гасят, я что, против, что-ли? – изумился Колян – нехрен только к нам лезть! А полезли – будь добр получить хорошую порцию бронзы!

Видно было, что недоучившегося дорожника прямо так и распирают естественные в такой

ситуации вопросы – а где ещё *снежков* встречали, а что такое серый морок, а Да много чего

ещё хотелось узнать всего год как переведённому в *поле* с горных приисков Илье Фёдоровичу

Степанову, но бывший студент сумел сдержать свой естествознательный порыв. Илья уселся

рядом с Михалычем, вытянул ноги поперёк платформы и пристроив свой вещмешок под голову, стал рассматривать парящие почти у самого горизонта кучевые облака.

Они тянулись с запада на восток, почти параллельно идущему на восход поезду. Громадные, вытянутые не столько в длину, сколько в высоту, сложенные из белокипенных на таком отдалении водяных паров, они производили огромное впечатление на Степанова. Весь срок

промотав в запрятанных на дне межгорных долин и распадков лагпунктах, он никогда не видел

подобных чудес. Там, на дальних восточных пределах, даже небо было другим – более блеклое, почти всегда затянутое рваной белёсой дымкой, оно словно пригибало смотрящего на него

человека обратно к земле, к прорытым среди каменных складок шахтам и карьерам. С самого

первого дня перевода Илья не мог налюбоваться бездонной лазурью, раскинувшейся над слегка

всхолмленной степью и тянущимся до краёв горизонта морем.

Море его разочаровало – мелкое, всегда непрозрачное до такой степени, что лопасть весла

невозможно было разглядеть даже в момент краткого погружения и всегда кишачее мелкой

живностью. Радостно кидающееся полакомится первым попавшимся среди мутных вод незнакомым объектом. Всю муть и растительные остатки приносила сюда впадающая в море

сотней километров южнее величественная река, местный аналог земной Амазонки и Нила в

придачу. Начиная свой бурный поток с отчеркнувших дугой северо-запад единственного известного людям континента высоких гор, не мудрствуя лукаво нанесённых на карту как Гималаи, она пробивалась сквозь пояс тропических джунглей и выплеснув свои воды в степной

край, могучей дельтой вливалась в густо насыщенное островами и островками море.

Ограниченное лежащим на западе длинным извилистым островом, за которым и собственно

начинался Мировой Океан.

– Михалыч – Илья повернул голову к дремлющему вполглаза бригадиру – как думаешь, камешков дальше на запад должно больше быть? Если доберёмся до ...

– Типун тебе на язык! – прошипел Михалыч, метнув влево настороженный взгляд – дадут тебе

на Крите безнадзорно шарится! Не для того туда железку тянут, понял? Как бы потом вообще

не пришлось бы под конвоем работать, студент!

Если Михалыч называл Илью «студентом», то это означало последнюю перед матерной стадией степень раздражения и недовольства. Дальше в речи бригадира цензурными не были

даже предлоги.

Оставив второго номера чистить оружие и набивать пулемётную ленту, к ним вернулся Колян, устроился сверху мешочного бруствера, достал из кармана гимнастёрки так и нераскуренную сигарку, из кармана галифе сделанную из крупнокалиберного патрона зажигалку. Пока он возился, крутя колёсико и раскуривая, Михалыч незаметно ткнул

Илью в

бок локтем – не лезь, мол, и молчи до самой станции. Студента не пришлось просить дважды –

он слегка сполз с мешков и надвинув на лоб пустую, без кокарды фуражку, сделал вид что задремал.

Охранник покосился на него неодобрительно – такие вольности всё-таки выходили за рамки

предписанного режима, но вслух говорить ничего не стал. За своих подчинённых полностью

отвечает бригадир и что бы потом не случилось, претензий больше как к Шепетову предъявлять

будет не к кому. Таков был негласный, но от этого не менее действенный, лагерный порядок.

Почти час, пока страдающий отдышкой паровозик, тащил состав в пункт назначения, Сергей

с Николаем перебрасывались ничего не значащими фразами. О работе больше не было сказано

ни слова. Обсуждали кормёжку, отличия режима содержания одного лагпункта от другого, редкой цепью нанизанных на тысячекилометровую нить железнодорожного пути, тянувшегося

от самой Столицы, с закатного склона Рифейских гор.

Колян по службе мотался по всему этому стальному пути, поэтому он мог рассказать

Михалычу, уже пятнадцать локалок проведшего на крайних форпостах Советской республики, немало нового и любопытного. Сергей слушал, изредка хмыкая и вставляя подходящие по

случаю реплики.

– Что, так бульба не прижилась? ... Где, за станцией? Так за всё время не заделали. ... Там бараки из лиственницы были, по первости. Ну, эти, которые в пятьдесят шестом, после чумки

сожгли, ага.

Слегка утомившийся Колян снова достал из карманов курительный набор и

воспользовавшись малой паузой Сергей с чувством глубокого удовлетворения, в неизвестно

какой раз за последние локальные годы сказал

– А всё-таки не жалею, Коля, что сюда перевёлся. Да, по жизни всегда в пути, места своего постоянного нету, но знаешь, лучше чем здесь я бы пользу принести не смог. Что я там в Столице и Кировске видел? От сетки до сетки, работа-барак-работа и на боковую, ну там политинформации чаще проводят, театр опять же. Но здесь, Коля, всегда на передовой!

Пару

раз и самому приходилось – он кивнул в сторону пулемёта – такое абы кому не доверят!

– Ну да – Колян таки поборол зажигалку, в очередной раз бросил взгляд вниз, на пояс Михалыча – понимаю. На особом доверии значит ... угу.

Пути постепенно стали заворачивать влево и за поворотом вскоре открылся приткнувшийся к

склону холма лагпункт. Одна единственная улица с десятком добротных барачков, упирившаяся

в неширокую площадь с двухэтажным зданием конторы и казармой охраны впритык к длинным

пристанционным пакгаузам. Прочеркнув лагпункт по самому краю, железка выпускала из себя

влево короткий аппендикс в расположенную за последним рядом барачков промзону и тонкой

нитью уходила далеко на Восток. Всё прямо и прямо, пока не сливалась с пупырчатой из-за

холмов линией горизонта.

Впереди медленно распахнулись ворота, впуская состав в огороженную одинарным рядом

колючки лагерную территорию. Уже слегка поржавевшие ряды на серых столбах тянулись мимо барачков и пакгаузов, охватывали промзону и взбегали до вершины холма, где компанию

барачку связистов составляла наблюдательная вышка с антенной на самом вершине и слегка прикопанная цистерна системы лагерного водоснабжения.

Если смотреть сверху, то общей планировкой лагпункт напоминал скатившуюся с вершины

холма колючую каплю, слегка затёкшую за блестящую на закате нитку железнодорожных путей.

Паровоз подтянул состав к бревенчатому зданию конторы, со стороны путей выполнявшей

функцию станции. Сзади охрана торопливо закрывала ворота, прокладывая неизбежный зазор у

земли спиралью Бруно на крестообразных растяжках.

– Уф – выдохнул Колян, всё время после сеанса стрельбы настороженно оглядывающий дышащие покоем и пасторалью окрестности – ну всё, теперь поедим хоть нормально. Ну – он

протянул руку геодезической двойке – бывайте. Может быть, свидимся.

Попрощавшись, Сергей с Ильёй отправились сдавать инструмент на хранение. У боковой двери почти примыкавшего к вокзалу барака с вывеской на торце «Инструментальный склад», уже толпилась скромная очередь, человек так на тридцать-сорок. Пока они продвигались в

сторону открытой двери, Михалыч успел встретить пару знакомых, обсудить приметы погоды

на предстоящую неделю и прочие сегодняшние новости. Илья с неистребимым любопытством

молодости всё крутил головой в разные стороны, словно окрестный пейзаж был ему внове, не

смотря на прошедший с момента его прибытия в «лп 1056 км» локальный год.

Склад встретил их замешанной на хвойном аромате прохладе. Из длинного центрального прохода вправо и влево уходили короткие коридорчики с вывешенными под потолком короткими вывесками «Ручной инструмент», «Транспортные средства», «Фонари» и прочие.

Завернув в закуток «Средства измерения», Михалыч с Ильёй сдали хмурому кладовщику, под

роспись в прошнурованной амбарной книге, теодолит с линейкой, Складской служитель быстро

проверил целостность линз и отсутствие видимых повреждений. Слегка припадая на деревянный протез, заменяющий от середины бедра левую ногу, разместил сданное в

соответствующих стеллажных клетках и вернул терпеливо ждущим злк хозжетоны на длинных

шейных цепочках.

– В столовую пока рано – заметил Илья, когда они вышли из другой торцевой двери, пройдя

насквозь помещение склада – я к себе пойду, хорошо?

– лады – кивнул Михалыч, направляясь в гражданскую оружейку – попозже зайду.

Отпустив студента, Сергей почти из одних дверей прошёл в другие. Впритык к инструментальному складу располагалась малая казарма охраны. Под бдительным взором

стоящего на карауле бойца он показал личный жетон дежурному и был пропущен в пахнущую

маслом и ещё чем-то военным оружейку. Две казармы охраны были единственными зданиями

в лагпункте, сложенными из выложенного в три ряда кирпича. И вообще – единственными

каменными зданиями с крышами из профилированного кровельного железа.

Через окошко в забранном частой решёткой проёме он протянул рукояткой вперёд зараннее

вынутый из кобуры ТТ и две запасных обоймы. Дежурный оружейник разрядил и проверил

оружие, убрал патроны в специальный металлический ящик, подтолкнул к Сергею

привязанную шнуром к барьеру регистрационную книгу. Расписавшись, Сергей получил обратно личный браслет и ни слова не говоря, развернулся к выходу. Браслет, позволяющий

получить в любом пограничном лагпункте служебное оружие на время работ в поле, был свидетельством высокого социального статуса его владельца. Такими символами лояльности

Управление не разбрасывалось. По всей системе разбросанных в радиусе тысячи километров от

столичной агломерации лагерей таких счастливицков никогда не было больше шестисот

человек. Или особо доверенных эзков, получавших во временное пользование весомый символ

власти над остальной, осуждённой сталинскими законами массой.

– Михалыч, подожди, да! – раздался сзади знакомый голос, Шепетов слегка замедлил шаг и

не скрывая неудовольствия, оглянулся.

Он уже вышел на площадь перед зданием конторы и направлялся в расположенный напротив

казармы охраны короткий барак столовой, где с угла ещё был открыт крошечный ларёк, отпускающий э́к под запись курево, кое-что из ширпотреба и немудрящий продуктовый ассортимент.

От распахнутых настежь дверей конторы к нему быстро шёл весьма колоритный сын

Кавказских гор, джигит не в одном поколении, товарищ председатель секции правопорядка

Вартанов Владлен Ибрагимович, получивший имя в честь безвременно усопшего вождя мирового пролетариата. В год смерти которого родился маленький Вова на задворках блистательного Сухума, столицы маленькой, но весьма гордой Абхазии.

Обменявшись рукопожатием, Владлен сразу перешёл к насущным вопросам.

– На следующую декаду мы на смотр-конкурс самодеятельности заявили.

– Ну а я причём? – хмуро спросил Шепетов, уже догадываясь, о чём пойдёт речь.

– Как причём, дорогой? Ты лучше всех в нашем *кусте* песни поёшь! Как Шаляпин, мамой клянусь! Актив тебя на конкурс выдвинул! Не подведи, да!

Выпалив фразу единым порывом, Владлен наткнулся на весьма скептический взгляд

кандидата в Карузо и заговорщицки подмигнув, добавил, практически не останавливаясь, но

уже вполголоса.

– Сам товарищ Кузнецов приедет смотреть, а с ним – он слегка оглянулся – концертная бригада из Столицы, в порядке шефской помощи. Из Центрального театра! – он говорил

уже

практически шёпотом – артистки, вах!

– Брешешь – неуверенно ответил Сергей – когда такое было?

– Не было, так будет! Там – Владлен слегка задрал к небу гладко выбритый подбородок – говорят, что для *подъёма* что-то придумали и хотят на нас испытать, прежде чем в серию ставить.

– Я то же поеду – доверительно сообщил Вартанов ошеломлённому таким известием

Шепетову

– танец с саблями у меня.

– Ну – Владлен говорил уже громко, практически на всю площадь – репетиция сегодня,

за час

до отбоя, в красном уголке! Бывай!

Сергей проводил спешащего куда-то в сторону стоящей последней на лагерной улице большой казарме охраны, хотел было сплюнуть на гладко выметенную брусчатку, но сдержался. Если чернявый армянин не горбатого лепит по своей обычной привычке, то

.... Что-

то давным-давно забыто робко шевельнулось в груди один раз и настороженно замерло.

Шепетов матюкнулся шёпотом через левое плечо и отправился напрямик в промзону. До техотдела он дошёл, держа особым образом сцепленные пальцы правой руки.

Там, сдав кроки расчётной группе, он провёл всё время до ужина. Расчёты в очередной раз не

сходились с принесёнными Сергеем данными и надо было совместно думать, как подгонять
спешно собираемые в первом цехе опорные модули, что бы без особых проблем за один раз

проложить первые за пределы материка метры железной дороги.

Задержавшихся сверхурочно выгнал из кабинетов длинный гудок. Как остальные ИТР, Шепетов вместе с технологами и конструкторами ужинал во второй смене.

Отужинав, Сергей последний час перед отбоем провёл в красном уголке, репетируя обычный

в таких случаях репертуар – «Синий платочек», «Катюшу» и так далее. В свободном углу истово махал выданным под жетон саблями Владлен. Получалось у него пока не ахти, но энтузиазма было не занимать. Оркестровая группа периодически опасливо косилась в его сторону, когда глухой металлический стук возвещал об очередной ошибке в па или прыжке.

Хорошо, что ни себе, ни казённому имуществу, никакого ущерба за отпущенный на репетицию

час Варганов не успел нанести. На этом положительном на сегодня факте конкурсанты при

первом сигнале отбоя бодро разошлись по баракам. На опоясывающем лагпункт ограждении

уже светились красные лампы-индикаторы, показывающие, что на колючий забор подали штатные восемьсот вольт.

Одним из самых тяжёлых для з\к последствий мотания срока на Гее было отсутствие снов.

Нигде, никому и никогда они не приходили в часы долгого и краткого забытья. Причина так и

осталась невыявленной соответствующим медицинским НИИ в Столице, а среди верующих

хоть во что-то з\к отсутствие снов служило дополнительным доказательством их загробного

заклучения. С данным предрассудком, конечно, боролись – агитацией, через внедренных, куда

только можно, агентов КБ, но так и не смогли выкорчевать до безопасного основания.

Сугубо

материалистические аргументы могли сработать при объяснении видимых глазом и ощущаемым прочими частями тела отличий этого мира от земного, но там, где тело спит,

а

бодрствует дух, никакая разумная аргументация не канала. Хотя это не мешало людям практически каждое утро задавать друг другу ставшим уже ритуальным вопрос – «Ну как?

как?

Снилось хоть чтонибудь?» и слышать в ответ такое же ритуальное «нет». Вставать, и расходиться с тусклой надеждой, что вот завтра или через месяц всплывут во тьме лица

родных

или запомнившиеся с детства пейзажи.

Сергей проснулся от какого-то внутреннего толчка. Что-то больно ужалило в область сердца, заставив выскользнуть из-за плотного покрова беспамьятства. Он повернулся на спину,

проморгавшись, из своего угла оглядел заставленный одноярусными нарами барак на

двадцать

человек или две «десятки». Сквозь узкие, но длинные окна в верхней части стен длинными
полосами лился мерцающий звёздный свет. Луны здесь на небе не было, но её с лихвой
заменяли густо усыпавшие ночное небо мохнатые от своей яркости звёзды. Собранные
доброй
четвертью своего личного состава в скопления разной степени вида и красоты. В ясную
ночь
можно было спокойно читать газету. Сейчас, при полузатянутах облаками небе, такой
номер
бы вряд ли удался, но даже при таком небесном раскладе освещение было не хуже чем в
забытое уже полнолуние.
Вот и сейчас набежавшая туча заслонила ровно льющийся световой поток и почти сразу
отпустила его на лица мирно спящих людей. Сергей лежал и смотрел за движением све-
товых
струй со слабо нарастающим удивлением, но когда за неполные пару минут подобное
затемнение повторилось несколько раз, с ужасом понял, что никакие это не тучи.
– Подъём!! Кляксы!! – заорал он во всю глотку, срывая с нар ошалевших людей.
Словно в подтверждение его слов с одной из возвышавшихся вокруг лагпункта вышек
дробно
застучал пулемёт, но почти сразу же захлебнулся. От станции глухо прорычал ППШ пат-
руля и
теперь ничто не могло оставить злк в объятиях мёртвого сна.
Не смотря на все проводимые ранее учебные тревоги, в нормативные тридцать секунд не
уложился никто. Даже сам Шепетов, на ходу застёгивая последние пуговицы, добежал до
запертой входной двери вприпрыжку. Второпях вбитая ногой в сапог портянка скомка-
лась и
ему, матерясь, пришлось быстро переобуваться.
Закончив с этим делом, он выпрямился и оглядел столпившихся у входа людей. Некото-
рые из
задних рядов торопливо крестились. Справа от него второй десятник, бригадир ремонт-
ной
бригады первого цеха Алексей Кумов, снимал со стены последний багор.
– Если кто забыл, напоминаю – оглядывая мрачных злк, сказал Шепетов – выходим и
бегом, тесной группой, к станции. Не отставать! Ждать не будем!
Он вытащил из прикреплённых к ремню ножен плоский штык от самозарядного кара-
бина,
кивнул двум, стоявшим ближе к дверям – Серёге Михайлову из железнодорожной
мастерской и
Косте Мордвинову из Кумовской бригады.
– Открывай!
Парни вытащили из упоров блокирующий брус, распахнули двери в расчерченную светом
прожекторов и трассирующими очередями ночь. Сергей осторожно выглянул наружу –
слева
включённые на полную мощь фонари заливали режущим светом казавшуюся такую длин-
ной
дорогу до станции. Там, на ярко освещённом пространстве, суетились охранники, раз-
бегаясь с
оружием по охраняемому периметру, почти в центре площади расчёт споро устанавливал
пару

82-мм миномётов. Хреновым было то, что их барак стоял крайним в ряду, дальше всего от прикрытого зданием конторы убежища. Справа прожектора просвечивали весь подъём до вершины холма, где занимали заранее обозначенные позиции бойцы разведбата, чья казарма располагалась напротив. По периметру освещённой территории лагеря метались быстрые тени, при попытке прорваться ближе к баракам встречаемые плотным автоматный огнём. Огни на ограде лагпункта погасли, и это значило, что кляксы как-то умудрились вырубить смертельное не только для них ограждение.

– Выходим! – скомандовал Сергей, пропуская мимо двадцатку. Он и Кумов шли последними, от других бараков уже бежали к площади плотные группки людей – Вперёд! Они успели проскочить полдороги, но уйти от опасности уже не могли. Справа и слева отчаянно завизжало мокрым ножом по стеклу и, бросив взгляд между выстроившимися перпендикулярно улице бараками влево, Сергей увидел, как нечто прямоугольное, больше паровоза, отливающее глубокой масляной чернотой в пронзительном свете прожекторов, с ходу проломило трёхметровый забор и одним из углов вошло на территорию лагеря. Свет погас через пару секунд, оставив редкие пятна аккумуляторных фонарей у двери каждого из бараков

Закричав, люди бросились к станции, но многие не успели сделать и пары шагов. Выскакивающие из-за бараков кляксы, в свернутом состоянии похожие на слабо мерцающие гнилушечным светом свечи в два человеческих роста, начали выхватывать по одному из несущейся к единственному убежищу толпы. В слабом свете аварийных фонарей Сергей впервые в жизни увидел, как, разворачиваясь в неровное, абсолютно чёрное полотно, и затем, подхватив человека, сжавшись в дёргающийся от агонии кокон, уносится клякса к пробившему забор огромному чёрному «утюгу».

Всякое подобие порядка исчезло, охвативший людей страх погнал э\к к площади орущей от ужаса толпой. Сжимая до рези в ладони штык-нож, Сергей бежал последним, успевая замечать краем глаза, что не все поддались режущей сердце холодной петле. Вот кто-то впереди ткнул развернувшийся для атаки кокон остриём багра и затрепетав ночной хищник отскочил в сторону. Но мало кому повезло точно попасть и не все смогли сохранить холодный рассудок.

До площади добрались меньше половины. Почти у самого края брусчатки Сергей оглянулся на донёсшийся со спины порыв холодного ветра и тут же чёрный покров скрутил Шепетова в ледяной кокон. «Бей ножом, шилом, если проткнёшь, пока не свернулся полностью, значит, спасён» промелькнули в голове услышанные на курсах наставления побывавших в подобных

переделках людей. Сергей отчаянно замолотил штыком по скользкой и тугой поверхности, пока

ещё в лёгких оставалось хоть капля воздуха. Первым делом клякса крепко охватывала голову

жертвы, лишая малейшего шанса вдохнуть. Что происходило дальше, рассказать было некому.

Держа обеими руками штык-нож, он из последних сил рванул его вправо-вниз. Что-то сухо

треснуло в быстро твердеющем коконе. Шепетов вывалился из развернувшегося, как вспоротый

свиток, хищника на полную прохладной предрассветной росы траву.

Судорожно вздохнув, он вскочил с четверенек и лихорадочно огляделся. Клякса успела утащить его за бараки, почти на половину разделявшего постройки и забора пустого пространства. Спотыкаясь, он побежал в обратную сторону, где на площади уже работали миномёты, выбрасывая в равнодушное небо осветительные заряды. Покачиваясь на парашютах, они медленно скользили вниз, освещая совершённый кляксами погром.

На площади не было никого постороннего, кроме рассеявшихся редкой цепью охранников.

Миномёты замолчали, подвесив уже с десятков мерцающих «люстр».

– Выскочил! – Сергей подхватили под руки двое бойцов, ноги ослабли, когда он ступил на брусчатку.

– В убежище его! – скомандовал откуда-то неразличимый сейчас для Шепетова командир и

уже обращаясь к своим, добавил – сейчас мы им вдарим!

С вершины холма звонко забила спаренная зенитная установка, снаряды точно ложились в

хорошо различимый в прожекторном свете чёрный прямоугольник, как будто застрявший

углом в ограждении лагеря.

– Получите, суки! – крикнул кто-то сзади осторожно ведомого к боковому входу в убежище

Шепетова и вдруг холодная тишина навалилась на лагерь. Поддерживающие Сергея руки ослабли, он развернулся вместе со своими помощниками.

Над вершиной холма из темноты просветлела странная, грубо очерченная призрачная фигура, похожая одновременно на волчью и рысью с острыми, торчащими вверх, ушами. Поднялась на

задних лапах выше наблюдательной вышки и, шевельнув уродливой головой, словно осматриваясь, прыжком бросилась вниз, к столпившимся у конторы людям.

– Огонь! – слились вместе несколько криков, всё, что могло стрелять, стреляло навстречу плавно скачущему созданию. Казалось, призрачный волк никак не чувствовал последствий

ранений от не менее сотни пуль, чёрными нитями пробивающих его мерцающее в свете софитов тело. Каждый прыжок приближал его к оставшимся на площади людям на двадцать, а

то и тридцать метров.

– Разойдись! – крикнул лейтенант, командир лагерной охраны. Бойцы живо расступились, не

прекращая стрелять, очистили центр площади. К сиротливо стоящим миномётам подбежал, как

успел заметить по лычкам Шепетов, старший сержант с трубой одноразового гранатомёта на

правом плече. Присев на колено он замер, сторожко ведя прицелом за целью и в момент краткого приземления хищника, уже меньше чем в полусотне метров от площади, практически

в упор, выпустил по монстру ракету.

Выстрел ударил зверюгу в бок, ближе к задним лапам. В последний момент хищник попытался немного вильнуть, прыгнув на крышу барака, но накопленная за время бега инерция

не позволила ему так быстро изменить направление. Осколочно-фугасный заряд с добавкой

белого фосфора буквально разорвал его на две части. Направленный вперёд и в стороны поток

осколков вкупе с ударной волной не оставил ему никаких шансов.

На краткое мгновение снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь шипением догорающих в

небе осветительных мин. Потихоньку разгоралась стенка барака, возле которого валялось бесформенной глыбой мёртвое тело. Стрельба прекратилась, бойцы старались слегка отдышаться, настороженно водя стволами по периметру площади.

– Товарищи! Товарищи ...– слева от промзоны кто-то бежал, хрипя и завывая во всё горло.

Свет фонарей скрестился на проходе между столовой и ближайшим жилым бараком.

Оттуда

выскочил измазанный чем-то тёмным полуголый человек, в одних штанах и сапоге на левую

ногу. Присмотревшись, Сергей с трудом узнал сменного мастера первого цеха, военнопленного

и бывшего труженика Имперских железных дорог Карла Гейгера. Всегда аккуратно и даже

щеголевато по лагерным меркам одетого, спокойного и рассудительного померанского немца.

Сейчас он выглядел так, словно выскочил из захлопнувшихся буквально в миллиметре за ним

ворот ада. Да так, собственно, возможно и было.

– Товарищи – он подбежал к лейтенанту, хрипло дыша – от забора сюда проползает это ... – он

судорожно сглотнул – большой чёрный ящик.

– Проползает? – переспросил его лейтенант, движением руки подозвав к себе оставшихся на

площади бойцов. Сергей подошёл следом.

– Да – немец явно не мог подобрать русских слов тому что увидел – ползёт по земле как ... как

бульдозер, да. Сгребает землю и толкает. Вперёд.

Словно в подтверждение его слов слева заскрежетало и снова раздался режущий душу визг.

Как будто неимоверного размера ржавые когти скребли по ставшей прочным стеклом земле.

Что-то в промзоне рухнуло с металлическим звуком, вызвав слабое сотрясение почвы и множественный звон бьющегося стекла.

– Мостовой кран упал – свистящим шёпотом сказал Гейгер.
Лейтенант раздумывал пару секунд.
– На вершину холма, бегом! – приказал он, не оглядываясь по сторонам.
Вместе со всеми Шепетов рванул по улице вверх. Тренированные бойцы унеслись вперед,
а в
арьергарде бежал только он с Гейгером. Напротив горящего барака пришлось затормозить, перепрыгивая через валяющиеся на щебёнке части тела убитого монстра. На полдороге обернувшись, лейтенант Юрьев (Сергей только сейчас вспомнил его имя) хотел было отослать их назад, к станции, но, натолкнувшись на взгляд Шепетова, отказался от этой затеи. Уверенности Сергею придавал подобранный на краю площади малокалиберный ППШ-56
с
почти полным дисковым магазином на девяносто восемь патронов. Кляксы, схватив свою жертву, всегда выбрасывали из кокона оружие и прочие металлические предметы, а иногда и
одежду. Кому-то из охранников не повезло, а сразу поднять автомат, валявшийся на самой
границе темноты, под далеко выступающим козырьком крыши, никто из бойцов охраны лагеря
так и не успел. Потом оставшимся в живых стало не до сбора оружия. Шепетов бежал с ППШ
наперевес, накинув брезентовый ремень на плечо, крепко сжимая правой ладонью пистолетную
рукоятку. Никому, даже товарищу Сталину он не позволил бы лишиться себя священного права
на месть. Из его десятки от барака до убежища добежали только семь человек.
Глотая ночной воздух, двое гражданских добрались таки до выровненной и отсыпанной щебнем площадки. Там, как и по дороге на вершину им не довелось увидеть ни одного из занявших оборону охранников. На покосившейся вышке мотался из стороны в сторону сорванный с креплений прожектор, раскачиваясь на длинном кабеле. На гравийной отсыпке, в
беспорядочно скачущем световом пятне Сергей то и дело замечал разбросанные там и сям
сапоги, пилотки и прочие составляющие полевой формы. Оружие погибших уже подобрали и
сложили внутри невысокого, обложенного мешками бруствера вокруг наблюдательной вышки.
Четверо бойцов и пара штатских заняли в нём круговую оборону, двое запрыгнули
внутрь
стоявшей на пологом краю ЗСУ-57-2. Внутри самоходки лязгало и щёлкало, выплюнув
чёрный
клуб дыма, взревел дизель. Снова лязгнув и вздрогнув, ЗСУ рывком буквально отпрыгнула на
три метра назад.
– Осторожней! – командирским голосом рявкнул кто-то сверху стоявших рядом под
самой
вышкой Гейгера и Сергея, перекрыв даже рёв работающего на повышенных оборотах двигателя.
По скрипучей наклонной лестнице застучали сапоги и сэкономив пару секунд, с

промежуточной площадки на бетон прыгнул лейтенант Юрьев. В узкий проём между бруствером и баракком связистов рывками пробралась ЗСУ. Прожужжав, вправо развернулась

башня, вытянув длинные стволы автоматических пушек в сторону станции, Через край открытой сверху башни быстро выбрался на броню стрелявший в монстра сержант, длинным

прыжком перемахнул через бруствер.

– установка к бою готова! – доложил боец командиру.

Лейтенант кивнул, развернулся к подошедшим солдатам.

– На территории лагеря в промзоне находится ещё один чужеродный объект, убивший многих

наших граждан и солдат Советской Армии. Приказываю – он на секунду помедлил – выманить

объект на свободное пространство и уничтожить артиллерийским огнём. Сержанты Иванов и

Каменский – взять из укладок гранатомёты, беспокоящим огнём выманить объект из промзоны

на дистанцию не далее триста метров. Рядовые Сергиенко и Овсянчук – обеспечить прикрытие

гранатомётчиков. Выполнять!

Из стоявших у стенок друг на друге длинных зелёных ящиков солдаты достали восемь одноразовых «базальтов», привели их в боевое положение, раздвинув до упора телескопические трубы пусковых установок. Взяли максимально возможное для пере-

носки

количество. Повесив каждому за спину по две штуки взведённых РР-15, солдаты парами побежали в сторону доносящихся из промзоны грохочущих звуков, держа дистанцию между

двойками не менее десяти метров. Проводив взглядом оставшихся от сводной роты охраны, Юрьев обернулся к Сергею

– На вас оборона периметра, патронов не жалеть –слегка азиатские черты лица его немного

смягчились, он усмехнулся, посмотрел на посеревший восток – до рассвета должно хватить.

Недолго осталось.

Три открытых цинка с патронами и сложенные на прикрепленных к брёвнам в два ряда желоба ряды набитых и взведённых дисков внушали определённую надежду. Подхватив приставленный к стене автомат, Гейгер двинулся по ограждённому пространству, что-то сосредоточенно высматривая. Сергей быстро взобрался на бруствер и кое-как направил в сторону промзоны прожектор, заклинив крепёж в щелях между разошедшимися от удара прозрачной твари досками. Юрьев тем временем оставил тыловой заслон и перебрался в урчащую на холостом ходу самоходку.

Сделав круг, Карл вернулся к спустившемуся на бетонированную вокруг вышки площадку

Шепетову

– Пустых дисков нет, я думал набить, сколько есть – озабоченно сказал немец, поправляя то и

дело съезжающий с плеча автоматный ремень.

– Не успели они – зло сказал Сергей, пресекая тоскливую тему.

Оставалось только настороженно ждать. Далеко вправо внизу, на одной дистанции с весело

горящим бараком, вспух оранжево-белый шар сработавшего на предельную дальность ракетного выстрела, на краткий миг выхватив из темноты часть полуразрушенного здания

первого цеха и нелепо торчащие вверх опоры мостового крана на разгрузочной площадке. Свалив ажурную металлическую конструкцию за край тупика, чёрный прямоугольник снёс угол

здания и всю обращённую к холму торцевую стену. Обвалившейся пролёт крыши цеха не позволил ему двигаться дальше и одновременно прикрывал от прицельного огня зенитной

установки вне дистанции эффективного поражения. Для гарантированного уничтожения носителя клякс, как учили на курсах «Выстрел», стрелять по нему надо было не дальше трёхсот

метров. Подтверждением чему служил медленно тающий чёрный брус слева, за ближайшим к

холму бараком. Добраться на гусеницах для стрельбы в упор не позволяли выложенные на

площадку открытого хранения уже собранные секции надвижного моста. Шепетов, покусывая

губу, убедился, что иного варианта, чем придумал лейтенант Юрьев, просто не было.

– Они все погибнут – мрачно сказал из-за спины Гейгер.

– Не дрейфь, немчура – обернулся к нему Сергей – наши не из таких передраг выходили!

– Надеюсь – Карл не успел сказать, что он думает, как в промзоне громко и слитно взорвались две ракеты, вызвав в ответ протяжный металлический скрип. Давя кирпичи и балки, чужак, наконец, выбрался из-под завала и пополз в сторону больно жалящих его человекочков.

Затрещали автоматные очереди, кося выбиравшихся на охоту клякс. С холма почти нечего не

было видно, но Сергей легко представил, что за бой разгорелся в складском секторе промзоны.

Два веера разлетающихся пуль очертили защитный круг вокруг изготовившихся к стрельбе

сержантов, медленно отходящих к подошве холма. Через несколько минут у начала подъема

хлопнули вышибные заряды, выбросив из гранатомётов засветившимися яркими сполохами

ракеты, быстро нашедшие свою цель. Режущий уши скрежет скачком усилился, в него вплелись

новые, яростно визжащие ноты, заглушившие грохот взрывов. Солдаты уже выбрались на открытое место, побежали по склону. Им осталось до вершины всего сотня – другая метров, как у правой, слегка отстающей по ходу движения двойки захлебнулся огнём автомат и в точке, откуда вниз летели трассирующие пули, в небо рванул факел ракетного выхлопа, мгновенно

подрубленный яростной вспышкой. По ушам Шепетова поминальным эхом ударила взрывная

волна. Кто-то из сержантов не дал утащить себя в чёрном вихляющем коконе.

– Прикрывай! – Сергей уложил ствол ППШ на податливый край бруствера и короткими

очередями начал бить в заполненное мятущимися тенями пространство на склоне холма, ниже

медленно отступающих к вершине солдат. Воспользовавшись поддержкой, сержант разрядил в

подсвеченного прожектором врага последний гранатомёт и, под трассирующей завесой сменивших уже три автомата Гейгера с Шепетовым, прикрываемый экономным огнем второго

номера, добрался до блиндажа. Расстреляв магазин, следом за Ивановым за бруствер вбежал

Сергиенко.

Слева загрохотала непрерывным огнём ЗСУ. В нарушение всех правил, Юрьев расстрелял

полную, судя по длительности стрельбы, обойму без всякого перерыва на охлаждение работавших практически на прогар стволов. Занявшие круговую оборону последние защитники

лагеря не жалели патронов, выпуская в окружающую позицию темноту один дисковый магазин

за другим. Благо, слегка успевавших остыть от непрерывного огня автоматов хватало.

Пятнадцать штук на вошедших в ярость стрельбы бойцов. Только израсходовав один ряд заранее снаряжённых и уложенных в желоба магазинов, сержант спохватился и дал команду

прекратить стрельбу. Навалившаяся после отбоя тишина показалась Сергею верным признаком

глухоты. Он помассировал виски ладонями и сквозь скрип натираемой кожи всё-таки различил

окружающие его звуки. Тяжёлое людское дыхание, тархтение дизеля и стук упавшего на бетон автомата.

Сержант матюкнулся, подобрал свалившееся в суматохе оружие. Стукнули по броне подбитые сапоги, к ним на позицию соскочил Юрьев.

– Спасибо, мужики – слегка надтреснутым голосом сказал лейтенант собравшимся под фонарём стрелкам – дожили таки мы до рассвета.

Все в едином порыве обернули к востоку. Там, слегка теряясь в громоздящихся у горизонта

облаках, робкой зеленью пробивался к небесам первый рассветный луч.

– Я думал, всего минут двадцать прошло – сказал Гейгер.

Лейтенант посмотрел на светящийся циферблат своих «Командирских».

– Больше часа держались – сказал Юрьев – если быть совсем точным – час семнадцать.

Он посмотрел на слегка отходящих после боя солдат, перевёл взгляд на оружие и резко подобрался, скомандовал.

– Перезарядить автоматы! Расслабились, вашу мать!

Торопливо воткнув полные магазины, четвёрка защитников рассредоточилась по охраняемому периметру. Бывало, кляксы атаквали при первых лучах ещё не полностью взошедшего солнца. Когда оранжевый диск отрывался от линии горизонта, новых нападений

можно было не опасаться. Но пока, Юрьев был прав, потеря бдительности легко становилась

потерей жизни. Как бы не хотелось верить в подобную мрачную перспективу после пережитых

ужасов ночи.

«Я славлю тебя, Ра величавый, дарующий жизнь всем существам!» – слова древнего гимна, давным-давно прочитанного в одной из популярных исторических книг из библиотеки жены, учителя истории, сами собой всплыли в памяти Шепетова. Над волнистой линией далё-

ких холмов гигантским щитом поднялся солнечный диск, в полную силу осветив всё так же безмятежную степь под вечно спокойным небом и муравьиною суету людей на развали-

нах лагеря.

Разрушения оказалась гораздо серьёзнее, чем казалось в прочерченной трассами оче-

дей ночи. Один барак сгорел почти полностью, запалив два соседних, от которых удалось

отстоять меньше половины стен и крыши. Первый цех, в котором собирались металлоконструк-

ции, восстановлению практически не подлежал. Кроме обвалившихся стен, в полную негод-

ность пришла кран-балка, на ночь загнанная на осмотровую площадку на дальней от входных

ворот стене, куда пришёлся таранный удар чёрного бруса. Смятые сварочные посты и прочее

оборудование можно было восстановить, но электроэнергией их обеспечить лагерная

энергоцентральный была не в состоянии. Основной и резервный генераторы были выведены

из строя сильнейшим скачком напряжения, попутно спалившим обмотки трансформаторов и большую часть силовых линий. Как это получилось, не мог понять ни один хоть как-то разбирающийся в электротехнике человек. Такого просто не могло быть, но факт, как говорится, имел место.

Подогнав к станции из тупика дизель-секцию монтажного поезда, бросили временки к столовой и конторе, где развернули полевой госпиталь. Живыми вытащить из-под зава-

лов удалось двенадцать человек, многим требовалась срочная операция. Два лагерных врача

и фельдшер к вечеру уже валялись с ног от усталости, но смогли сделать всё, что могли. Троиц,

к сожалению, спасти так и не удалось. Их похоронили на скромном кладбище, с обратной стороны холма, рядом с двумя десятками тех, кого нашли уже без признаков жизни. Без

вести пропало семьдесят восемь человек из двухсот тридцати, общие безвозвратные потери превысили на одного сотню. Почти половина из них пришлась на охранников и разведчиков, в

общий строй на площади перед Юрьевым смогли встать только трое. Из пятидесяти двух. – Благодарю за службу! – только и смог сказать Юрьев.

– Служу Советскому Союзу! – гаркнули молодцы и по приказу начальника отправились перекусить разогретыми консервами из лагерного НЗ и спать. Сам лейтенант подобной слабости себе позволить не мог. Только поесть и всё.

Держа в руках открытую банку овощного рагу с мясом, он подошёл к устроившемуся за угловым, самым коротким столом начлагерю Коломейцеву, крепко сбитому сибиряку сорока

пяти лет отроду. Он уже расправился со своей порцией и понемногу отхлёбывал из хозяйской

кружки крепко заваренный чай.

– Сколько восстановление займёт, Илья Петрович? – спросил его лейтенант, прикончив половину банки.

Коломейцев с интересом посмотрел на такого ещё молодого летёху, слегка отвёл взгляд в сторону и негромко, что бы не услышали сидевшие в некотором отдалении люди, сказал

– Три недели, если допрессурсы привлечь и работать круглосуточно. Если прикажут всё здесь

восстанавливать.

– Что? – лейтенант выпрямился и отложил ложку – могут приказывать всё так оставить?

– Допивайте чай, товарищ лейтенант и пойдём ко мне. Поговорим – не то предложил, не то

приказал кум.

Юрьев быстро доел успевшее остыть рагу, сходил за порцией чая к раздаче и буквально на ходу выпил полную кружку.

Глава 2.

Неприятней всего просыпаться субботним утром в полседьмого утра. Когда большинство граждан огромной страны ещё мирно дрыхнет в своих тёплых постелях, тебе надо вставать, тащится на улицу к висящему на стене бани умывальнику. Встроенными удобствами оборудован редко какой дом в округе и спрятавшийся за большими облепиховыми кустами

обшитый плоским шифером сруб не был таким исключением. Надо пройти метров пять по

засеянному канадской травой дорожкам, сначала прямо с крыльца, а потом налево. Там, набрав

полные пригоршни слегка тёплой воды, фыркая и крутя головой, как выбравшийся из реки

дикий зверь, долго и с постепенно нарастающим наслаждением втирать в себя эту живительную влагу. От этого увлекательного занятия тебя отвлечёт лишь короткий смешок

вышедшей на крыльцо подруги. Слегка морщащей маленький носик по причине влажной прохлады и осторожно пробующей босой ножкой мерцающую миллиардами кристаллов

росы

траву.

Наконец она решительно ступает в ярко-зелёный ковёр и взвизгнув от полноты чувств, со всех ног бросается к тебе на шею. Почти забыв придержать разлетающиеся во все стороны

полы короткого, чисто символического халата. Обхватив тонкими руками шею и пристав

на цыпочки, она смотрит на тебя своими огромными тёмно-серыми глазами в слегка растрёпанной

рамке светлых волос. Нисколько не беспокоясь о том, что пояс совсем развязался и твои руки

уже обхватили её за тонкую талию под гладкой тканью. Ещё мокрым лицом, ты склоняешься к

ней и капля с ресницы падает на её слегка вздёрнутый носик.

Больше тебе ничего не нужно, подхватив под халатом её обнажённое тело, несешься циклоническим вихрем к просторам единственной комнаты и вместе с ней падаешь на

расправленный для сна и не только диван, яростно врываясь в созданные мудрой природой

пределы.

Потом, слегка расслабившись и нежно глядя волосы цвета спелой пшеницы, рассыпанные на

твоей груди, ты всё-таки понимаешь, что нет ничего лучше, чем проснуться утром от поцелуев

красивой девушки и несколько раз предаваться любви, с кратким перерывом на омовение холодной водой. Пока есть для этого время, вибрирующим нервы потоком унёсшее вас от ночи

к утру и давшее столь редкие на этом этапе жизненного пути часы наслаждения. Пока есть

время

Мобильник заверещал особо вредным сигналом, напоминая своему хозяину о неизбежном и

окончательно пробуждении. Михаил, не глядя опустил руку с дивана, нашёл и вытащил из-под

мебельных сводов смартфон. На дисплее осуждающе качал головой какой-то гоблин, пробуя

дисплей изнутри на прочность. Когда увенчанный шипастой перчаткой кулак размазывался по

стеклянной поверхности, телефон вздрагивал, начиная отчаянно скрипеть и бухать. Михаил

большим пальцем очертил вокруг бугристой гоблинской башки магический круг, затем поставил крест на готовящейся к решительному удару руке. Только после таких манипуляций, скачанный с фирменного сайта LG виджет счёл свою задачу выполненной и с чувство глубокого удовлетворения отключился. Напоследок всё-таки погрозив хозяину грязным гоблинским пальцем.

– Пора вставать, красавица! – провёл ладонью он между лопаток подруги.

Юля грациозно потянулась, как бы невзначай выставив из-под сползшей простыни чётко очерченное бедро с заманчиво открывшимися перспективами.

– Ну, зачем так рано? – она полностью заползла на напрягшегося Михаила и прижалась к нему

всем телом – может, ещё пошалим?

– Хватит, хватит – почувствовав, как наливаются силой маленькие груди девушки, он слегка

хлопнул ладонью по розовой попе с узкой белой полоской ниже талии – мне ещё на станцию

ехать. Дела!

Он решительно снял с себя Юльку, переложил её рядом. Чмокнул нахмурившиеся губки и

решительно отправился умываться. На этот раз окончательно и бесповоротно.

Пока он возился на улице и в бане, опасной бритвой срезая наросшую за сутки щетину, Юля

успела поставить чайник и начать жарить яичницу.

– Ешь – сказала она вернувшемуся Михаилу и с небольшим свертком в руке отправилась умываться.

– Вода в печке ещё горячая – в спину сказал ей Михаил, лопаткой переворачивая скворчавшие

кусочки колбасы вперемежку с доходившей до готовности яичной массой.

Выключив электроконфорку под сковородкой, Михаил накрыл продукцию фирмы «Гефаль»

прозрачной крышкой и отправился прибираться. Бардак перед завтраком он не любил.

Убрал

постельные принадлежности в окованный железными полосами, ещё дореволюционный сундук, он сложил диван и бегло оглядел небольшое помещение, выискивая возможные несообразности. Кроме выпирающей из разделяющей комнату и кухню-веранду стены

белёной

печки, массивной тумбы с телевизором, пары стульев с вещами и уже упомянутого сундука в

комнате размером три с половиной на четыре метра больше ничего не было. Только на стенах, если присмотреться, можно было заметить слегка тёмные квадраты и прямоугольники на

окрашенной кремовой краской гипсокартонной поверхности. На этих пустых местах взгляд

Михаила задержался несколько дольше, чем следовало из простого осмотра дачных владений.

На веранде ключом забурлил чайник, щелчком выключателя оповестивший хозяина о полной готовности к чае– и кофепитию. Наконец-то одевшись, натянув носки, джинсы и футболку, Михаил вложил смартфон в поясную сумку. Хлопнула дверь на улицу и сквозь открытый дверной проём между помещениями дачи, Михаил увидел совсем другую

Юлию.

Аккуратно и в меру покрашенную, ничем не похожую на ещё не столь давно метавшуюся

по

простыням то ли ведьму, то ли фурию.

Уловив его взгляд, Юля скромно опустила глазки и почти бочком просочилась в комнату,

по

дуге обойдя стоявшего почти в центре Михаила. Встав у стула с её вещами к нему спиной,

она

сбросила на пол халатик и начала преувеличенно медленно одеваться. Хмыкнув, Михаил оставил её без смущения, убравшись подальше на кухню. Там, достав из примостившегося в

гося в

углу между печкой и окном буфета всё необходимое для успешного чаепития, он стал дожидаться свою пассию, шурща страницами недавно купленной рекламной газеты.

Не успел он вникнуть в особенности текущего момента на рынке недвижимости, как на веранду впорхнула уже полностью готовая к возвращению Юлия.

– Ты прекрасна! – послал ей воздушный поцелуй Михаил.

За что удостоился признательного кивка длинных ресниц. Разложив яичницу по тарелкам, они

не спеша, приступили к завтраку, обмениваясь малозначительными по смыслу репликами. Уже

попивая кофе, Михаил бросил взгляд на экран наручных часов. На всё про всё они потратили не

более сорока минут и вполне успевали добраться до города в запланированное ещё вчера время.

Окончательно прибравшись, они вышли на улицу. Михаил выгнал машину из гаража на

дорогу и оправился закрывать на крепкие замки частную дачную собственность. Новенький
«Шанс» – хэтчбэк тихо урчал мотором, пока Михаил запирал дом, баню и пристроенный к сараю гараж. Напоследок щёлкнув щеколдой калитки, он бросил взгляд на участок и сел за руль последнего чуда украинского автопрома. Конечно, если бы не последние пертурбации, можно было взять машину и посOLIDней, но пока выбирать не приходилось.
– Ты что назад забралась? – удивлённо обернулся Михаил к устроившейся на заднем сиденье Юле.
Она неопределённо пожала плечами и коротко ответила, что-то перебирая в лежащей на коленях сумочке.
– Вот захотелось.
– Ну-ну – так же неопределенно прокомментировал это решение Михаил, вырывая на главную дорогу дачного сообщества. «Шанс» аккуратно переползал через колдобины и слегка присыпанные щебнем трубы летнего водопровода.
Добравшись до правления с поставленным впритык, на гравийную подушку, большим контейнером-бытовкой, выполняющем особо важную функцию работающего в круглосуточном режиме магазина, Михаил придавил педаль газа и быстро проскочил распахнутые по летней порою ворота. Теперь, после десяти метров своротки с главной дороги, надо было выбирать, куда повернуть.
Налево уходил узкой полосой щербатый, кое-где разбитый, но всё-таки на протяжении семи километров не прерывающийся ни разу асфальт. Петляющий сначала между статных великанов соснового бора, затем, плавной дугой охватывающий одну из последних строек советского времени – гордость регионального Минсельхоза, самый крупный на Урале свинокомплекс, в последний год превратившейся в экологически чистое производство. Отходы жизнедеятельности свиной дивизии на специальной установке перерабатывались в удобрения и питающий котельную комплекса газ. С навозными реками было покончено раз и навсегда. Но пилить лишние пять километров по июльскому утру Михаилу вовсе не улыбалось. Была ещё вероятность попасть под шлагбаум. От находившейся правее дачного кооператива станции «Малая Выя» до ворот входящего в состав комплекса комбикормового завода шла железнодорожная ветка. Ночью в той стороне что-то продолжительно грохотало, лязгало и гудело. Вполне возможно, что затянутый тёмной порой эшелон с зерном как раз сейчас начнут

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.